

МИЛЮТИНА Марина Георгиевна

**СЕМАНТИКА КОНАТИВНОСТИ
И ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ:
КОМПЛЕКС «ПОПЫТКА – РЕЗУЛЬТАТ»
И ЕГО ВЫРАЖЕНИЕ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации в виде опубликованной монографии
на соискание учёной степени
доктора филологических наук

Екатеринбург

2006

Работа выполнена
на кафедре теории языка и речевой коммуникации
ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

Официальные оппоненты: доктор филологических наук профессор
Михайлова Ольга Алексеевна

доктор филологических наук профессор
Мишланов Валерий Александрович

доктор филологических наук профессор
Плунгян Владимир Александрович

Ведущая организация: Российский государственный педагогический
университет им. А.И.Герцена

Защита состоится «_____» февраля 2006 года в _____ часов на заседании
диссертационного совета Д 212.286.03 по защите диссертаций на соискание
учёной степени доктора филологических наук при Уральском государственном
университете им. А.М.Горького по адресу: 620083, Екатеринбург, К-83, пр.
Ленина, 51, ком. 248.

С диссертацией в виде монографии можно ознакомиться в библиотеке
Уральского государственного университета им. А.М.Горького.

Автореферат разослан «_____» _____ 2005 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук
профессор

М.А.Литовская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Предметом исследования в монографии являются природа и сущность конативной модальности (от лат. *conatus* – попытка, стремление), а также способы её выражения в современном русском языке.

Объект исследования – речевые ситуации, отражающие важный аспект человеческой деятельности – попытку её реального осуществления, например: «*Я теперь иногда нарочно пытаюсь возродить в себе то странное ощущение <...> но как я ни силюсь, мне это не удаётся*» (И.Долиняк); «*Анна закрылась руками в мучительно-тяжёлой нравственной борьбе. В эту минуту, казалось, она делала последнее усилие над собою: она ломала себя <...> наконец переломила*» (В.Крестовский). Толковый словарь трактует попытку как действие, направленное на осуществление или достижение чего-л., но без полной уверенности в успехе. В словарном толковании отмечены важные для понимания сущностной характеристики понятия «попытка» смысловые составляющие: направленность на осуществление, достижение, а также устремлённость к успеху и одновременно неуверенность в таком – успешном, результативном – исходе действия.

Актуальность исследования. Как известно, объективный мир – это всеобъемлющая данность, в которую активно вторгается человек, пытаясь осуществить свои желания и реализовать свои намерения. Сегодняшняя антропологическая парадигма научного знания исходит из того, что человек познаёт мир через осознание, а значит, и отражение в языке своей предметной и теоретической деятельности. Об этом пишут многие исследователи: Н.Д.Арутюнова, Г.В.Колшанский, Б.А.Серебренников, Е.В.Урысон, М.Хайдеггер, Е.С. Яковлева и другие. Мир объективный субъективизируется (Мельник 1997).

Язык не может обойтись без выражения таких смыслов, как *попытка, стремление, движение к цели, результат, итог*, потому что без стремления к цели невозможно осуществление деятельности. Человек давно осознал и выразил посредством языка эту важнейшую истину: *находит только тот, кто ищет, а открывают только тому, кто пытается достучаться* («Ибо всякий просящий приемлет, и ищущий обретает, и толкующему отверзается» [Лк.11: 9, 10]). Бездействию всегда предпочитается действие, пусть и без уверенности в успехе. Этот факт отражает, в частности, и английская поговорка «*Even to try is good*» ('Даже попытаться – хорошо'). Таким

образом, всё, что связано с выражением в языке деятельностного и волевого аспекта, является актуальным для научного исследования, тем более что современная, в значительной степени «гуманизированная» лингвистика активно интересуется социально значимыми действиями человека.

Смысл «попытка» логически связан с другим смыслом – «результат», «успех», «итог», поэтому правильнее говорить не просто о значении попытки, а о **смысловом комплексе** «попытка – результат (успех)».

Конкретные речевые проявления комплексного смысла «попытка – результат» имеют разнообразный характер. Этот языковой смысл может быть представлен как в эксплицитном виде, когда он формируется с помощью модальных глаголов *пытаться*, *стараться*, *стремиться* и др., так и в скрытом, имплицитном виде, когда в его формировании участвуют ситуации сложного (в смысле взаимодействия различных категорий) типа – конативные, в рамках которых взаимодействуют функционально-семантические поля реальной и ирреальной модальности, аспектуальности, таксиса (такие ситуации чаще всего представляют собой таксисно-модально-аспектуальный комплекс), а также темпоральности. Все эти разнообразные речевые реализации смыслового комплекса «попытка – результат (успех)», безусловно, представляют интерес для исследования и нуждаются в подробном системном описании.

Целью монографии является выяснение модального статуса конативности и системное (с опорой на принцип функционально-семантического поля) описание речевых ситуаций, выражающих комплексное типовое значение «попытка – результат» в современном русском языке.

В соответствии с поставленной целью в монографии решаются следующие **задачи**: 1) установить модальный статус попытки, то есть определить её место в системе других модальных значений, а именно проанализировать, какое место занимает попытка в системе отношений «желание – намерение – попытка»; рассмотреть возможности взаимодействия обозначенных смысловых элементов; 2) выявить эксплицитные и имплицитные способы языкового выражения смысла *попытка – результат (успех)* и описать их как целостную многоступенчатую систему речевых вариантов; 3) определить основные признаки, характерные для конативных ситуаций; проанализировать контекстуальные условия, в которых выявляется семантика конатив-

ной потенциальности; 4) более точно обозначить систему частных видовых значений, способных по-разному (с разными смысловыми оттенками) имплицитно выражать потенциальное значение, в связи с чем показать, какое место занимают в этой системе категориальные ситуации с конативной модальностью; 5) подробно проанализировать видовые категориальные ситуации, выражающие значение *попытка* – *результат* имплицитно, учитывая такие аспекты, как роль отрицания и противительных отношений в формировании конативного смыслового оттенка в данных ситуациях; объём их внешней и внутренней модальной рамки; типы субъектов и объектов в таких ситуациях; варианты таксисных отношений, формирующих синтаксическое и смысловое пространство данных ситуаций, и некоторые другие аспекты; 6) выстроить типологию конативных аспектуальных ситуаций в современном русском языке; 7) соотнестя и критически осмыслив данные разных классификаций, обозначить контуры лексико-семантического поля глаголов, способных выражать конативное значение, определить ядерные и периферийные зоны этого поля; 8) осуществить подробный лингвистический анализ конативных ситуаций с глаголами «безуспешной попытки», выявив отличительные особенности ситуаций с указанными глаголами.

Теоретическая и методологическая база исследования. Настоящая работа написана в русле грамматической семантики. Основной задачей этого направления является изучение взаимодействия семантических категорий и форм их выражения в языке.

Автору монографии близки идеи русской школы функциональной грамматики. Поэтому базовыми для многих положений, имеющих в работе, являются система взглядов и основная терминология, представленные в многотомной коллективной монографии «Теория функциональной грамматики» (далее сокращённо – ТФГ), а также в работах Ю.С.Маслова, А.В.Бондарко, Т.В.Булыгиной, М.Я.Гловинской, Н.А.Козинцевой, Е.В.Падучевой, В.С.Храковского, М.А.Шелякина, Дж.Форсайта и других исследователей.

Основными принципами описания материала в монографии являются системность, антропоцентризм, недискретность и функционализм. Основным методом, применяемым в работе, является метод функционально-семантического анализа материала. При этом особенно важным для воплощения исследовательской программы является преимущественное использование анализа материала «от семантики к формальным средствам», применяемого в функциональной

грамматике. Основным приёмом интерпретации материала в реферируемой работе является приём классификации и систематики.

В целом базовыми для анализа фактического материала и, соответственно, для классификационной структуры работы являются два подхода, обусловленные ориентацией на обозначенные основные принципы и методы описания: 1) полевой подход, позволяющий более отчётливо представлять континуальность языкового пространства, непрерывность речи; 2) ситуативно-речевой подход, акцентирующий внимание на языке не как системе форм, но на языке в действии, в ситуации общения, в контексте и тем самым дающий возможность достаточно полно (с учётом многих составляющих) анализировать речевой материал.

В монографии активно используются и другие современные методики: применяются элементы методики семантического толкования и компонентного анализа слова, метод ситуативного (контекстуального) анализа материала, а также отдельные методические приёмы логического анализа языка.

Научная новизна исследования заключается в том, что пристальное внимание в монографии направлено на изучение речевых ситуаций, выражающих значение попытки осуществления действия в современном русском языке (конативных), которые до сих пор не являлись предметом подробного системного описания.

В реферируемой работе конативные ситуации описываются как сложная система вариантов, выясняется их специфика, выявляется их связь с признаками контролируемости и бенефактивности. Обозначен модальный статус конативных ситуаций: конативность определена как самостоятельный специфический подтип потенциальной модальности.

Впервые подробно проанализированы эксплицитные и имплицитные варианты выражения комплексного смысла «попытка – результат». Определена специфика конативных ситуаций с глаголами «безуспешной попытки и безуспешного стремления» – *искать* и *ждать*; представлены конкретные образцы анализа ситуаций с данными глаголами.

Теоретическая значимость исследования определяется развитием идей грамматической семантики, функциональной грамматики и аспектологии. В монографии обсуждается одна из актуальных на сегодняшний день проблем – проблема межкатегориального взаимодействия, а именно взаимодействия вида и потенциальной конатив-

ной модальности, в связи с чем подвергаются подробному анализу категориальные ситуации сложного типа – модально-аспектуально-таксисные комплексы.

В монографии обозначена «модальная перспектива» конативности, которая обусловлена её системными парадигматическими и синтагматическими отношениями с другими разновидностями модальных значений.

В работе удалось уточнить (дополнив её) систему частных видовых значений, имеющих модальный оттенок потенциальности.

В реферируемом исследовании впервые представлена подробная функционально-семантическая типология конативных аспектуальных ситуаций в современном русском языке.

Практическая значимость исследования заключается в том, что наблюдения и выводы, представленные в монографии, могут быть использованы в учебных пособиях различного типа при описании вопросов межкатегориального взаимодействия, типологии модальности, частных значений вида. Многочисленный и разнообразный фактический материал может послужить базой для составления методических пособий и формирования комплекса упражнений по теме «Частные значения вида» в курсе «Русский язык как иностранный». Результаты исследования могут применяться и активно применяются автором монографии в спецкурсах и спецсеминарах по функциональной грамматике и аспектологии.

Фактической основой для работы послужили в основном примеры из русской художественной литературы XIX-XX вв., в некоторых случаях автор опирался на публицистические и научные тексты. В отдельных случаях приводились примеры, взятые из толковых словарей, а также авторские. Помимо всего остального, использовались примеры, извлечённые из обширной картотеки «Словаря современного русского литературного языка» ИЛИ РАН. Примеры, использованные в монографии, пронумерованы и составляют 350 наименований; общее количество представленных в картотеке автора примеров включает более 3 тысяч единиц.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В модальных значениях отражается не только оппозиция *реальное/ирреальное*, но и динамика связей между ними, которая представлена понятием *потенциальности*. В рамках изъявительного наклонения (индикатива) модальность попытки, осуществляющая динамическую связь между субъектом и результатом действия, накладывается

на базовое значение реальности. Поэтому попытка связывает область ирреального (активной возможности) с областью реального и лежит в семантической плоскости потенциальности.

2. Если понятие потенциальности связывает ирреальное с реальным, то конативная потенциальность является таким промежуточным звеном, такой областью пересечения, которая деятельно, активно осуществляет эту связь. В ситуациях типа *Я пытаюсь всё изменить мир*, пользуясь словами Н.Д.Арутюновой, не только осмысливается, но и ощущается прежде всего в его динамически изменчивом аспекте.

3. Попытка, являясь конкретной семантической разновидностью внутрисинтаксической волюнтативной модальности, вписывается (встраивается) в систему синтагматических отношений с модальными значениями *желания (хотения)* и *намерения*. При этом попытка является важным (заключительным) звеном в системе обозначенных отношений, знаменуя собой плавный переход от пассивной готовности к активному осуществлению действия.

4. Попытка как разновидность модальности потенциальности отсылает нас к возможному миру, который представляется говорящему «достижимым из действительного мира», ожидаемым, – максимально близкому миру, потому что прогнозируемый результат попытки покоится на знаниях об объективных потенциях этого (реального) мира и человека.

5. Выражение смысла *попытка* в русском языке связано с целым комплексом взаимосвязанных значений: 1) *намеренность* действия, а значит, контролируемость, целенаправленность (направленность на результат) и 2) *усилие*. Кроме того, в конативных ситуациях присутствует (на уровне импликации) ещё один очень важный смысл, связанный с субъектом ситуации, – *неуверенность в успешном исходе действия*.

6. Важнейшей особенностью ситуаций, выражающих смысл стремления, попытки является то, что субъект оценивает результат: успешное достижение результата оценивается положительно; безуспешность, безрезультатность оценивается отрицательно.

7. Способы выражения семантического комплекса «попытка – результат» в современном русском языке достаточно разнообразны – от лексического (явного) выражения обоих компонентов данного комплекса, когда этот смысл доминирует, – до их несобственно лексического, смешанного (имплицитного) представления в ситуациях сложного в смысле взаимодействующих категорий типа, когда указанный

смысл выявляется как оттенок, сосуществующий вместе с другими смыслами, формируемыми целым комплексом функционально-семантических категорий. Наиболее ярким, прототипическим средством выражения смысла попытки в русском языке являются модальные глаголы со значением попытки, стремления: 1) *пытаться*, 2) *стараться*, 3) *стремиться*, 4) *пробовать* (в значении стараться), 5) *порываться*. Основное семантическое свойство, позволяющее объединить их в один (синонимический) ряд, – это выражение усилия, напряжения (физического, интеллектуального, душевного, психологического).

8. Одним из наиболее сложных способов выражения смысла «попытка – результат» являются ситуации (смысловые ансамбли) с видовым контрастом немодальных полнозначных глаголов типа *догонял, догонял, насилиу догнал; убеждал, но так и не убедил*. Ситуации указанного типа принято называть аспектуально-модально-таксисными комплексами. Значительную роль в формировании смыслового оттенка «попытка – результат» в данных ситуациях играет синтаксическая структура, соплагающая два смысловых момента – попытку осуществления действия и успешный/безуспешный итог, результат этой попытки. Особое значение в формировании указанных смысловых отношений имеют предложения с противительными отношениями и отрицанием.

9. Конативный вариант употребления глаголов несовершенного и совершенного вида необходимо квалифицировать как специфическую разновидность (оттенок) проявления потенциальной модальности в сфере частных ситуативных значений вида; конативная модальность способна наслаиваться (осложняя их) не только на конкретно-процессное, но и на неограниченно-кратное, и на обобщённо-фактическое частное значение вида.

10. Глаголы «безуспешной попытки» *искать* и *ждать*, отражающие факт субъективного стремления к успеху, но объективно, по природе своей обреченные на неуспех, являются (особенно глагол *искать*) самыми яркими и наиболее часто встречающимися выразителями конативности и составляют ее ядро наряду с такими модальными модификаторами конативности, как глаголы *пытаться, стараться, стремиться, пробовать*.

Апробация результатов исследования. Основные положения монографии были представлены автором на 16 научных конференциях различного уровня, в том числе международных: «Типология вида:

проблемы, поиски, решения» (Москва, 1997), «Теория и практика преподавания славянских языков» (Печ, 1998), «Русский язык как средство реализации диалога культур России и стран АТР на современном этапе» (Хабаровск, 1998), «Язык. Культура. Деятельность: Восток – Запад» (Набережные Челны, 1999), «Владимир Даль и современная филология» (Нижний Новгород, 2001), «Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста и речи» (Соликамск, 2004). По теме диссертации опубликовано двадцать научных работ, включая монографию.

Структура исследования. Монография состоит из введения, шести глав, заключения, а также списка литературы, словарей и энциклопедических изданий.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении определён объект исследования, обоснованы актуальность и новизна работы, сформулированы её задачи, обозначена теоретическая и методологическая база исследования и определена его фактическая основа.

Первая глава «Специфика речевых ситуаций, выражающих значение попытки (общие сведения)» имеет вводный характер: она призвана предоставить в распоряжение читателя необходимые общие сведения о специфике речевых ситуаций со значением попытки (конативных), показать устройство этих ситуаций, обозначить основные разновидности, обсудить их интерпретационное отличие друг от друга; в этой главе обсуждаются также вопросы основной терминологии.

Как уже было отмечено, значение попытки в русском языке в речевом употреблении может быть представлено как в явном, эксплицитном виде (лексически), например: *Изобретатель интегрального исчисления полагал, что будущий философский язык мог бы опираться на математическую символику и логику. Лейбниц инициировал и сам предпринимал **попытки** по созданию такого языка... но **безуспешно*** (А.Соломоник), – так и в скрытом виде (морфологически и синтаксически), например: *Я долго убеждал преподавательницу, что в этом нет никакого анархизма, наоборот. **Убеждал, но не убедил*** (И. Эренбург); *Думал, думал купец думу крепкую и **придумал** так...* (С. Аксаков). Два последних примера можно прочитать сле-

дующим образом: *'пытался, старался убедить, но не убедил', 'старательно думал, для того чтобы придумать, и придумал'*.

В ситуациях второго типа (имплицитного) значение попытки формируется в значительной степени морфологически – видовым противопоставлением, поэтому такие ситуации обозначаются также как ситуации видового контраста. Значительную роль в формировании смысла «попытка – результат» в данных ситуациях играет и синтаксическая структура, сопологающая два смысловых момента – попытку осуществления действия и успешный/безуспешный итог, результат этой попытки. Особое значение в формировании указанных смысловых отношений имеют предложения с противительными отношениями и отрицанием.

Эксплицитный и имплицитный варианты конативных ситуаций различаются не только типологически – как лексический (эксплицитный) тип модальности попытки и преимущественно морфологический (имплицитный) тип модальности попытки, но и в интерпретационном плане. Различие это заключается в том, что в первом случае модальность попытки, стремления воспринимается, в первую очередь, как внутренняя интенциональность, присущая (приписываемая) субъекту речевой ситуации, деятелю, а во втором случае наличие конативного смысла обусловлено сильной внешней интенциональностью, приписываемой говорящему.

Термин «конативный» есть калька с латинского – *conatus*, что в переводе означает 'попытка', 'стремление'. Этим термином в своих философских рассуждениях пользовался ещё Г.В.Лейбниц, а затем, гораздо позже, его активно стали употреблять в работах по аспектологии для обозначения категориальных видо-временных ситуаций особого типа такие авторы, как Ю.С.Маслов (1959), Э.Кошмидер (1962), Дж.Форсайт (1970), А.В.Бондарко (1971) и другие.

Тип конативных аспектуальных ситуаций, содержащих «более или менее явный намек на стремление субъекта к цели, достижение которой представляется проблематичным» (Мазон 1962), выделяют многие исследователи: Ю.С.Маслов (1959; 1984), А.В.Бондарко (1971; 1983; 1984; 1986; 1994), Т.В.Булыгина, А.Д.Шмелев (1997), М.Гиро-Вебер (1990), Дж.Грубор (1962), В.В.Гуревич (1971; 1994), Н.А.Козинцева (1991), Э.Кошмидер (1962), ТФГ (1987), В.А.Плунгян (1997), М.А.Шелякин (1983), Дж.Форсайт (1970) и другие. Однако в работах названных исследователей конативные ситуации не являются предметом специального подробного рассмотрения.

Семантические отношения, определяющие наличие конативной ситуации, в общем (инвариантном) виде описываются как «тенденция, попытка – успех, осуществление» (ТФГ 1987). Впервые такой тип смыслового противопоставления видов был представлен в статье Ю.С.Маслова «Вид и лексическое значение глагола в современном русском языке» (1948).

Правый и левый элементы, формирующие представленный выше инвариант, являются характерными, типичными свойствами-признаками конативной ситуации любого типа, то есть они являются прототипичными, реализующими свойства конативности в наиболее чистом виде и наиболее полно, без примеси иных свойств.

Наличие указанных выше семантических отношений обычно характерно для специфических высказываний с двухступенчатой структурой, соединяющей в смысловом отношении два взаимосвязанных этапа: 1) попытку, тенденцию осуществления; 2) успешный/безуспешный исход, результат этой попытки – в связи с чем аспектуальные конативные ситуации с имплицитно выраженным значением *попытка – результат* принято относить также к ситуациям с таксисной последовательностью (ТФГ 1987).

Исход, результат (иначе – успешность/безуспешность) понимается в первую очередь как итог, следствие, эффект, осуществление, достижение сделанного субъектом выбора. В конативной структуре определенного типа (с тендентивно-предельными глаголами) результатом является предел, которого достигает направленный на него процесс.

Наибольшей степенью прототипичности характеризуется именно двухступенчатая структура с эксплицитно выраженными, соотнесёнными в рамках контекста смыслами «попытка – результат (успех)». Предельно развёрнутая семантико-синтаксическая структура, эксплицирующая не только смыслы *попытка, результат*, но и тесно связанные с ними смыслы *желание, намерение*, представлена единичными примерами. Вообще возможна различная степень структурно-семантической свёрнутости/развёрнутости языковых конструкций при выражении значения конативности.

В задачи второй главы «**Модальный статус ситуаций со значением попытки (конативных)**» входит обсуждение широкого и довольно сложного круга вопросов, связанных с модальностью вообще как сложно устроенной категорией, а также с выяснением того, какое место занимает в кругу модальных значений рассматриваемое в мо-

нографии конкретное значение – попытки, в чём заключается специфика данного значения, каковы его основные признаки и связи с другими модальными значениями, почему данный тип модального значения можно называть интенциональным.

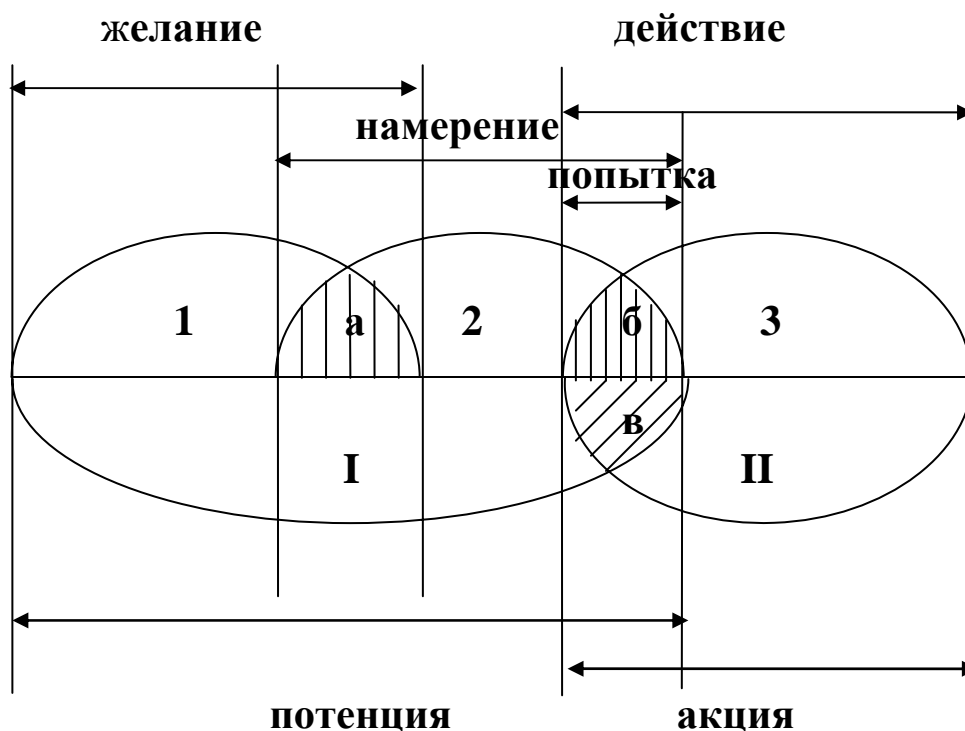
Поскольку модальность понимается и описывается у разных авторов неодинаково, в **первом параграфе «Предварительные замечания»** освещаются основные точки зрения на данную категорию, даётся представление о том, как менялось видение этой сложной категории от Аристотеля до наших дней, обсуждаются основные термины, связанные с кругом модальных значений.

Во **втором параграфе «Проблема определения общего (инвариантного) типа модальности попытки»** выясняется, какой из терминов – волюнтативная модальность или модальность желания – больше подходит для инвариантного обозначения целого комплекса тесно спаянных модальных смыслов и почему.

В данном параграфе удалось определить, что попытка теснейшим образом связана как с желанием, так и с намерением и является их логическим продолжением, заключительной фазой в ряду сложного ансамбля смысловых отношений «желание – намерение – попытка». Не случайно поэтому в фокусе конативной модальности (модальности попытки) находит яркое выражение спаянность таких интенциональных (модальных) смыслов, как *желание*, являющееся, по определению Дж. Локка, «беспокойством ума из-за недостатка некоторого отсутствующего блага» (Локк 1985) и всегда связанное с оценкой, и *воля* как способность выбора из нескольких имеющихся в распоряжении человеческого ума альтернатив.

Желание, намерение и попытка – это частные проявления более общего смысла – *воля*, конкретные семантические составляющие этого смысла, его логические, последовательно вытекающие друг из друга фазы. В силу указанных обстоятельств закономерным является тот факт, что контекстуальная, лексическая актуализация одного из этих конкретных оттенков волевого смысла с неизбежностью (опосредованно) сигнализирует и о наличии остальных, проявляющихся в большей или меньшей степени, представленных в скрытой или явной форме. Взаимодействие указанных выше смыслов обозначено в схеме 1. В этой схеме наглядно представлен плавный, постепенный характер перехода от потенции (готовности к действию) к акции (собственно действию).

Схема 1.

Пояснение к схеме 1. Римские цифры I и II обозначают нижние сектора «потенция» и «акция», арабские цифры 1, 2 и 3 – верхние сектора «желание», «намерение», «действие»; заштрихованные зоны обозначают области наложения: а) зона наложения секторов 1 и 2 есть область «желание + намерение» (незаштрихованная область 1 есть «чистое желание»); б) зона наложения секторов 2 и 3 есть область попытки (намерение + действие); в) зона наложения секторов I и II – это область контаминации потенции (готовности к действию) и акции (собственно действия), область плавного, постепенного, континуального перехода от одного к другому.

В третьем и четвёртом параграфах («Контролируемость как важнейший признак конативной ситуации»; «Бенефактивность как сопутствующий модальности попытки оценочный признак конативной ситуации») автор монографии акцентирует внимание на том, что для истолкования речевых ситуаций как конативных необходимо учитывать следующие параметры: контролируемость, бенефактивность.

В определение контролируемости в качестве составных элементов входят: 1) активность субъекта; 2) целенаправленность (намеренность действия). Понятия целенаправленности, контролируемости как важнейшие составляющие смысла «воля, намерение» не только

характеризуют сферу деятельности, но и являются её онтологическими признаками.

Важнейшей особенностью ситуаций, описываемых словами со значением желания, попытки, является то, что субъект оценивает результат. В данном случае имеет место взаимодействие категории модальности и категории оценки. Объект интенции – это то, что агент намеревается совершить, это результат его действий. Именно поэтому со знаком плюс оценивается результативность (успешность) действия, и, соответственно, со знаком минус – безрезультатность действия.

Очевидна связь конативной модальности с положительной оценкой: в конативной ситуации субъект оценивает как нечто положительное, полезное для себя именно результативность, успешное воплощение задуманного. Поэтому конативные ситуации характеризуются таким важным признаком, как бенефактивность (польза).

В пятом параграфе «Попытка как разновидность потенциальной модальности» указывается на то, что конативная модальность возникает на основе противопоставления реальной и мыслимой действительности, то есть она рождается в зоне смыслового взаимодействия двух основных типов модальности – реальной и ирреальной. В качестве звена, связывающего ирреальное с реальным, используется понятие *потенциальности*. Этот термин (потенциальность) истолковывается в лингвистике отнюдь не однозначно.

Неоднозначность понятия *потенциальность* была представлена уже у Аристотеля, который, в частности, различал потенцию деятельную, соотносимую, очевидно, с актом-движением (термин Аристотеля) – динамический подход, и потенцию пребывания, соотносимую, по всей видимости, с актом-сущностью (термин Аристотеля) – статический подход.

Трактовка обсуждаемых терминов в ТФГ объединяет оба подхода к потенциальности – статический и динамический. Авторы ТФГ систему значений потенциальной модальности представляют, с одной стороны, как сферу, непосредственно охватывающую модальные значения возможности и необходимости, а также гипотетичности. Кроме того, по их мнению, элемент потенциальности играет существенную роль в значениях оптативности и повелительности (ТФГ 1990). Однако в то же время в указанной работе утверждается, что потенциальность может быть выражена и в рамках индикатива. Это оказывается возможным именно благодаря динамическому понима-

нию потенциальности, т.е. при таком подходе к ней, когда важным является следующее аристотелевское понимание соотношения возможного и действительного: «сущее в возможности» реализуется, становясь «сущим в действительности», или актуальным, через движение. Т.В.Шмелёва называет такую, динамическую, потенциальность *осуществлением*.

А.В. Бондарко, уточняя соотношение терминов *ирреальность/реальность* и *потенциальность/актуальность* в лингвистике, пишет следующее: «Актуальность включается в понятие реальности как её центральное, наиболее специфическое, чётко выраженное проявление («реальность в узком смысле»). Потенциальность же <...> не может быть однозначно сопряжена с ирреальностью, хотя истолкование потенциального как ирреального довольно широко распространено. Потенциальность следует трактовать как понятие, которое связывает ирреальное с реальным» (ТФГ 1990). Таким образом, существует область «*реальности в узком смысле*» и область «*реальности в широком смысле*», при этом имеется в виду «более широкая содержательная сфера, включающая не только центр, но и периферию – ту область, где признаки реальности выступают не столь явно и могут сочетаться с некоторыми элементами ирреальности» (ТФГ 1990).

Границы «реальности в широком смысле» в основном очерчены рамками индикатива, поскольку семантическая сфера последнего включает то ядро реальности, которое представляет не только настоящее, прошедшее или будущее (как грамматическое время), но и, кроме того, индикативное выражение возможности, необходимости, желания (Бондарко 1996).

Ситуацию *Я пытаюсь это сделать* можно описать так же, как описываются в (ТФГ 1990) ситуации *Я могу это сделать*; *Я хочу это сделать*. Важно, что грамматическое значение реальности выступает в данном случае как способ представления таких ситуаций, в которых есть и элементы реального и элементы ирреального (потенциального). Необходимо отметить, что во всех трёх случаях представлена такая квалификация события, смысл которой состоит в указании на поворот события от ирреальности к реальности – осуществлению события. Эту сферу как раз и организуют значения возможности, необходимости, желательности, конативности и др.

В шестом параграфе «Модальность попытки и семантика возможных миров» обосновывается предположение о том, что ситуа-

ции, выражающие семантику попытки в рамках индикатива, максимально приближены к реальному миру, поскольку семантика реального и возможного миров в них переплетаются. И этот факт не случаен, потому что между двумя этими мирами (реальным и возможным) существует отношение *непрерывной преемственности*, которое в семантической концепции А.Вежбицкой (Wierzbicka 1980) описывается как «становление» одного мира из другого. Поэтому модальность *попытки* реализуется либо в рамках **максимально приближенного мира** (термин А.П.Бабушкина: Бабушкин 2001), либо в рамках **мира ближайшего** (термин А.П.Бабушкина: там же).

Таким образом, во второй, очень важной в теоретическом отношении главе удалось выяснить следующее.

В модальных значениях отражается не только оппозиция *реальное/ирреальное*, но и динамика связей между ними, которая представлена понятием *потенциальности*, хотя изначально этот термин понимался (и до сих пор понимается) и как синоним к термину *возможность*, и как синоним к термину *ирреальность*. Потенциальность не может быть однозначно сопряжена с ирреальностью. Потенциальность следует трактовать как понятие, которое связывает ирреальное с реальным.

Модальность попытки (конативная модальность) является семантической разновидностью волюнтаривной модальности (или модальности желания). Данная область модальности выражает отношения между субъектом действия и самим действием (а также его результатом) – субъект осуществляет активную возможность достичь результата действия – и относится к внутрисинтаксическому типу.

Внутрисинтаксическая модальность, одной из разновидностей которой является модальность попытки, взаимодействует с внешнесинтаксической модальностью предложения, выражаемой грамматическим наклонением. В рамках изъявительного наклонения (индикатива) модальность попытки, осуществляющая динамическую связь между субъектом и результатом действия, накладывается на базовое значение реальности. Поэтому попытка связывает область ирреального (активной возможности) с областью реального и лежит в семантической плоскости потенциальности.

Учёт динамического характера отношений между реальным и ирреальным (как действительным и возможным), а также понимание этих семантических зон как функционально-семантических полей с вытекающим отсюда членением на центр, ядро и периферию, позво-

ляет обозначить более точно место конативной модальности в системе этих отношений. Для того чтобы наглядно представить динамический характер отношений между реальным и ирреальным, а также более точно обозначить место конативной модальности в системе других модальных значений, с которыми она связана, были составлены схемы 2, 3, а также таблица 1.

Схема 2.

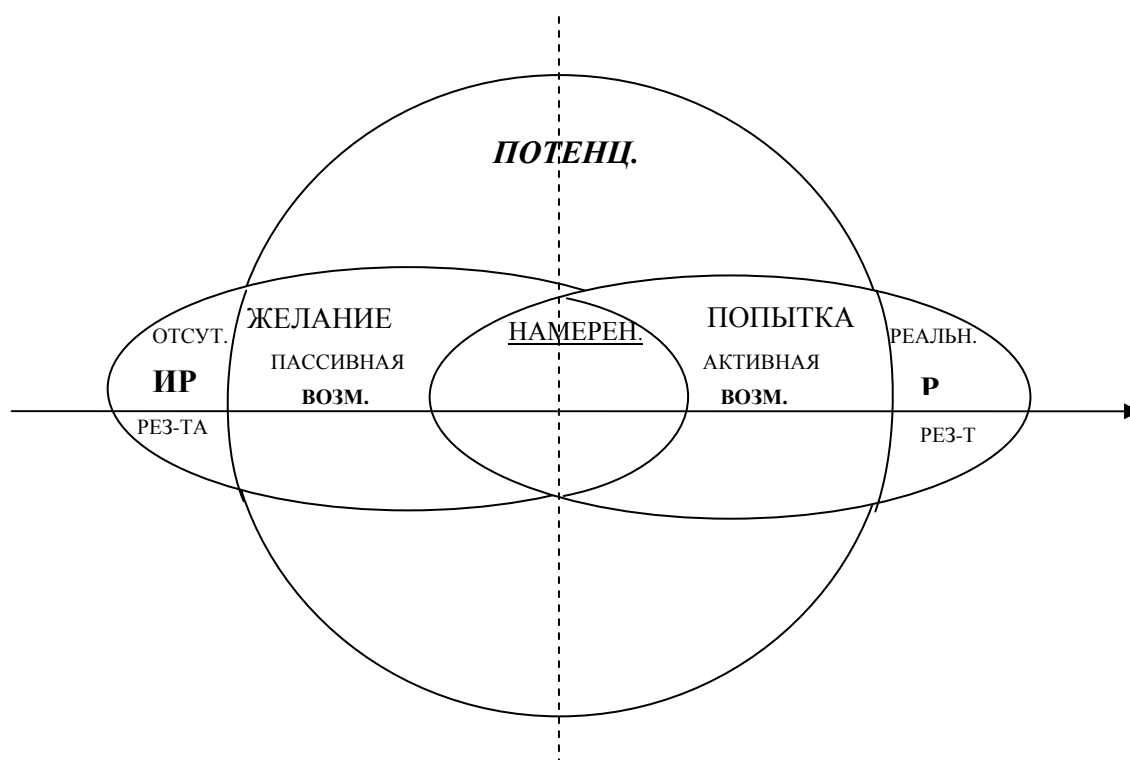

Таблица 1.

Реальное (действительное)	Ирреальное (виртуальное)
Актуальность	Потенциальность (статическая) <i>Осуществимость</i>
Сфера реального мира	Сфера возможных миров
	Возможность, необходимость, оптативность, повелительность, гипотетичность
Потенциальность (динамическая) <i>Осуществление</i>	
Сфера возможного мира, достижимого из реального	
ПОПЫТКА <i>добивался</i>	
Результат <i>(добился)</i>	Отсутствие результата <i>(не добился)</i>

Из схем и таблицы видно, какое место занимают в оппозиции реальное/ирреальное ситуации со значением попытки (конативные). Попытка, будучи одной из разновидностей модальности *осуществления*, имеет отношение к реально-ирреальному (потенциальному) миру, а результат её проявляется в мире реально возможном, максимально приближенном к миру реальному: если результат достигнут – он воплощается в реальном мире, если результат не достигнут, он остаётся в мире ирреальном. Конативная модальность является одним из проявлений возможности, потенциальности. Это модальность онтологического типа, так как в конативных ситуациях имеет место «реальная активная возможность» (Т.В.Булыгина, А.Д.Шмелёв 1997), достижимость которой является ожидаемой, прогнозируемой из мира реального.

Схема 3.

Пояснение к схеме 3.

ИР – зона ирреальности (отсутствующий результат находится в этой зоне).

Р – зона реальности (реальный результат находится в этой зоне).

ПОТЕНЦИАЛЬНОСТЬ – зона пересечения реальности и ирреальности (желание, намерение и попытка находятся в этой зоне – зоне потенциально возможного), при этом

ЖЕЛАНИЕ – пассивная возможность,

ПОПЫТКА – активная возможность,

НАМЕРЕНИЕ – зона пересечения желания и попытки.

Таким образом, конативные ситуации представляют уникальный вариант взаимодействия двух сфер, двух полей – семантики актуального (реального) и семантики потенциального (возможного). Это как раз тот случай, когда язык с помощью потенциальной конативной модальности делает видимым, ощутимым *движение, изменение* бытия, которое, по Аристотелю, и является реализацией того, что существует в возможности. И если понятие потенциальности связывает ирреальное с реальным, то конативная потенциальность является таким промежуточным звеном, такой областью пересечения, которая *дейтельно, активно* осуществляет эту связь.

Модальная перспектива конативности может быть представлена её системными парадигматическими и синтагматическими отношениями с другими разновидностями модальных значений.

Попытка, являясь конкретной семантической разновидностью внутрисинтаксической волюнтативной модальности, вписывается (встраивается), в первую очередь, в систему синтагматических отношений с модальными значениями *желания (хотения)* и *намерения*. Попытка является важным (заключительным) звеном в системе этих отношений, знаменуя собой плавный переход от пассивной готовности к активному осуществлению действия.

Включаясь в межуровневое модальное парадигматическое взаимодействие, попытка как разновидность модальности возможности (активная возможность) может оказаться вписанной как в рамки реальности – зона индикатива, так и в рамки ирреальности – зона других, косвенных наклонений. Взаимодействие модальностей данных двух уровней – внутрисинтаксического, выражающего отношения субъекта к действию (и его результату), и внешнесинтаксического, выражающего отношение высказывания к действительности с точки зрения говорящего (объективная модальность), – является обязательным.

Задача третьей главы **«Смысловой комплекс *попытка – результат* и способы его выражения в современном русском языке»** – показать реальное разнообразие способов представления смыслового комплекса «попытка – результат» в русском языке. В частности, в ней выясняется, каким образом могут быть представлены в реальных речевых ситуациях эксплицитного и имплицитного типа первая и вторая ступень смыслового комплекса «попытка – результат»; этому посвящены соответственно **первый параграф** третьей главы **«Эксплицитные способы выражения смыслового комплекса по-**

попытка – результат» и второй параграф «Имплицитные способы выражения смыслового комплекса *попытка – результат*».

К эксплицитным, наиболее явно, определённо выражающим значение попытки способам необходимо отнести ситуации с собственно лексическим типом модальности попытки.

Естественно, что основным, производящим для всех остальных (существительных, причастий, деепричастий) средством выражения конативной модальности является модальный глагол, т.к. он «живописует движение материи во времени» (Черткова 1996), погружает нас внутрь структуры деятельности, позволяет ощутить её фазы, течение. Таким образом, модальный глагол со значением попытки, стремления является наиболее ярким, прототипическим средством выражения смысла попытки в русском языке – модальным глаголом этот смысл представляется в чистом, без примеси иных значений, виде. Это не просто прототип, но самая его сердцевина. Элемент *попытка* в ситуациях с эксплицитно представленной конативностью находит реализацию в следующих глагольных лексемах: 1) **пытаться**, 2) **стараться**, 3) **стремиться**, 4) **пробовать** (в значении стараться), 5) **порываться** (все приведенные лексемы являются синонимами).

Реальные речевые употребления показывают, что список глаголов, формирующих ситуацию с эксплицитно представленной конативностью, на самом деле может пополниться разговорными глаголами **силиться**, **тужиться**. Основное семантическое свойство, позволяющее объединить приведённые глаголы в один синонимический ряд, – это выражение усилия, напряжения (физического или интеллектуального, душевного, психологического). Так, в словаре глагол **пытаться** (базовый) истолковывается через синоним **стараться**, а тот, в свою очередь, имеет следующую дефиницию: «прилагать усилия, чтобы сделать, осуществить что-л., добиться чего-л.» (Словарь русского языка: В 4-х тт., т.4, с. 249).

В ходе классификации ситуаций со значением попытки и их анализа удалось выяснить, что как попытка, так и результат, особенно последний, могут интерпретироваться с точки зрения их окончательности/неокончателности (относительности); полноты/неполноты. Так, в примере *Уже десять лет кровавый конфликт терзает карабахскую землю... политические деятели самого высокого ранга и международные организации **пытаются** его **разрешить** – пока **безуспешно*** (М. Фейгин) безуспешность, безрезультатность оценивается

говорящим как явление временного характера (*пока*), не окончательная безуспешность.

К ситуациям с имплицитным способом представления комплекса «попытка – результат» следует отнести контексты с модальными глаголами, представляющими вместе с глаголами попытки один общий тип модальности – волюнтативный. Так, в ситуациях типа *Кто-то хотел утопить ее* (Жучку. – М.М.), *но Тема ее спас* (Н. Гарин-Михайловский) глагол *хотеть* является контекстуальным синонимом к глаголам *пытаться, стараться*, поскольку имплицитно подразумевает наличие конативного смысла в содержательной структуре приведённой ситуации. На это, в частности, обращает внимание Н.А.Козинцева (1991), которая отмечает, что глагол *хотеть* может выступать в значении *пытаться, стараться*.

Второй компонент комплексного смысла «попытка – результат (успех)» также может быть представлен в ситуации имплицитно, поскольку смысл *результат(успех)* способен обнаруживаться в контексте ситуации опосредованно – на уровне ассоциативно-логической связи, например: *Теперь-то я понимаю, что пытался тогда найти ответы на вопрос, который ответа не имеет* (С.Витицкий). В приведённом примере отсутствие результата обусловлено отсутствием объекта поисков (*ответа не имеет = ответа нет*).

Одним из самых сложных способов выражения смысла «попытка – результат» являются ситуации (смысловые ансамбли) с видовым контрастом немодальных полнозначных глаголов типа *догонял, догнал, насилиу догнал; убеждал, но так и не убедил*. Ситуации указанного типа принято называть аспектуально-модально-таксисными комплексами. Подробному анализу таких ситуаций посвящена следующая глава.

В конативных ситуациях, о которых речь идёт в **четвёртой главе «Семантика конативности и вид глагола»**, смысл «попытка – результат» выражен в наиболее сложной, имплицитной форме и проявляется не только за счёт взаимодействия функционально-семантических категорий аспектуальности, модальности, таксиса и темпоральности друг с другом, но и за счёт взаимодействия их с семантическими компонентами контекста.

В данной главе особо подчёркивается, что в конативных ситуациях с имплицитно выраженной модальностью попытки семантическая функция двух противопоставленных по виду глаголов теснейшим образом связана с намерениями говорящего отразить именно этот

(модальный) аспект ситуации в целом. Иными словами, конативные аспектуальные ситуации являются внешне интенциональными по своей природе (имеется в виду интенция говорящего) (Бондарко 1994). Одним из главных факторов, определяющих реализацию конативной интенциональности, в данном случае является взаимодействие категорий аспектуальности и таксиса: формы совершенного (СВ) и несовершенного (НСВ) вида употребляются здесь не «ради вида» (видовых значений самих по себе), а прежде всего «ради модальности».

Кроме того, выясняется, что данные ситуации с полным правом можно отнести и к внутренне интенциональным, потому что они, помимо деятельности субъекта, имплицируют еще его ментальное состояние, обладающее свойством направленности. Обозначенные вопросы обсуждаются в **первом и втором параграфах («Конативные модально-аспектуально-таксисные комплексы (общие сведения)»;** **«Межкатегориальное взаимодействие и интенциональность»).**

В **третьем параграфе «Потенциальная модальность и частновидовые значения»** автор обращает внимание на то, что неоднократно подчёркивалось лингвистами, – модальность неизменно сопутствует виду и времени.

Различные модальные оттенки высказываний с видо-временными формами индикатива рассматривались многими учёными, в частности А.В.Бондарко, М.Я. Гловинской, В.М. Мякотиной, В.В. Духаниной. Известно, что потенциальная модальность, сочетаясь с особыми временными значениями, часто осложняет основные значения вида, в связи с чем как у глаголов СВ, так и у глаголов НСВ принято выделять потенциальное частное значение, связанное с выражением той или иной разновидности имплицитно представленной потенциальной модальности.

Для выражения конативного значения так же, как и для выражения потенциального значения СВ, требуется значительная контекстуальная поддержка, которая в данном случае проявляется обычно 1) в одновременном употреблении с глаголом НСВ глагола СВ (конативное значение, хотя и приписывается глаголам НСВ, по сути своей является стандартной семантической разновидностью видового противопоставления), кроме того, 2) наиболее ярко, определённо данное значение проявляется в контексте с противительными смысловыми отношениями и отрицанием; 3) эта разновидность потенциальности ограни-

чена глаголами, имеющими специфическое лексическое значение – значение *усилия* (физического, интеллектуального, эмоционального).

Таким образом, конативную разновидность употребления глаголов НСВ и СВ можно и нужно считать специфической разновидностью (оттенком) проявления потенциальной модальности, ведь *попытка* – это не что иное, как *активная возможность*, то есть деятельное воплощение намерений и желаний субъекта действий, устремлённое в будущее, а семантический комплекс «попытка – результат (успех)» образует тот большой круг модальных значений, смысл которых состоит в указании на поворот события от ирреальности (возможного) к реальности – осуществлению события.

Характерными признаками потенциальной конативной модальности можно считать следующие:

1) семантика попытки – это одна из разновидностей, одно из категориально-ситуативных проявлений значений возможности (в рамках семантики потенциальности); 2) семантика попытки – это семантика «деятельно расширяемого обманчивого настоящего» (метафора В.Набокова), т.е. конативность (семантика попытки) представляет собой такой аспект представлений говорящего о мире (действительности), в котором семантика реальности тесно пересекается и взаимодействует с семантикой ирреальности; 3) значение попытки является одной из разновидностей волюнтаративных модальных значений, так как оно заключается в выражении волевой направленности субъекта к совершению действия; 4) конативные ситуации в рамках индикатива выражают значение попытки как реальной (онтологической) активной субъективной возможности.

В четвёртом параграфе «Отрицание как семантический компонент, усиливающий значение попытки» выясняется роль отрицания в формировании семантики попытки в ситуациях видового контраста.

Отрицательный модальный план до некоторой степени ограничивает функционирование глагольных категорий, прежде всего категорий вида и времени; можно даже говорить о появлении под воздействием отрицания особых вариантов частных значений вида – такова точка зрения многих лингвистов, в частности В.В.Шигурова, Т.А. Калабуховой, О.П.Рассудовой, М.А.Шелякина.

А.А.Добиаш, отмечая влияние частицы *не* на значение видовых и временных форм русского глагола, ставит это влияние в прямую связь с модальными значениями отрицания, более того, он видит яв-

ную связь между значением попытки и наличием отрицания в контексте: «Причина ясна: русское не <...> влечёт за собою оттенок *conatus* (т.е. попытки)...» (Добиаш 1897).

Отрицательные высказывания обладают модальной окраской оценочного характера (неодобрительности, нежелательности, усиления или ослабления качества, признака и т.п. в зависимости от лексического наполнения высказывания); на это указывает И.В.Толстой, а также Б.Дельбрюк и О.Есперсен – сторонники психологической концепции отрицания.

В конативных ситуациях с отрицательной частицей «не» отрицание усиливает значение попытки за счёт актуализации оценочного, экспрессивного по своему характеру смысла – *разочарования, неодобрительности, нежелательности* по поводу нереализованного результата, – смысла, прямо противоположного *бенефактивности*.

В пятом параграфе **«Противительный характер отношений между частями смыслового комплекса «попытка – результат» как семантический фактор, усиливающий значение попытки»** речь идёт о том, что в анализируемых ситуациях смысловые оттенки отрицания в значительной мере формируются не только конкретным контекстом, но и (в большой степени) синтаксической конструкцией, а именно отрицательно-утвердительным предложением с противительными смысловыми отношениями. В конативных ситуациях с отрицанием и противительными смысловыми отношениями частей (утверждаемый смысл противопоставляется отрицаемому) попытка, стремление утверждается (является реальным фактом), а наличие результата отрицается (является фактом ирреальным). Таким образом, в отрицательно-утвердительном предложении с противительным союзом *но* попытка и результат оказываются противопоставленными друг другу по смыслу: ощущается противоречие между ожидаемым (и вообще возможным) и действительным.

Контрастный акцент именно на втором компоненте описываемых ситуаций формируется союзом *но*: доминирование второго компонента над первым в конструкциях типа *X но Y* – важный смысловой элемент, который должен быть введён в толкование этого союза, так считает В.З.Санников (Санников 1986). Противительные отношения между частями структурно-смыслового комплекса «попытка – результат» усиливают отношения контраста между ними, формируя значение *‘несоответствие норме, нарушение нормального хода событий’*.

В шестом параграфе «Семантический объём модальной рамки конативных ситуаций видового контраста» делается вывод не только о тесной семантической связи между элементами *желание, намерение, попытка (стремление)*, но и о различных уровнях этих модальностей: модальность желания, намерения находится на более глубинном уровне, являясь смысловой базой для формирования собственно конативной модальности. Данный вывод согласуется с точкой зрения В.М. Труб и Х. Ыйм (Труб 1993; Ыйм 1978), которые считают, что отправным пунктом любого целевого акта является желание.

Внутренняя модальная рамка конативности определяет связь субъекта и результативного предиката не просто как возможную, желательную и намеренную, но как конативную, а потому оформляет ее как модальность попытки. Модальная рамка конативного высказывания непосредственно фокусирует только отношения попытки, стремления между субъектом действия и результатом действия, хотя на более глубоком уровне речь в высказывании также идет и о возможных, а потому желаемых и контролируемых положениях дел, т.е. в него входят также модально-смысловые элементы волюнтативной модальности первичного порядка – *намерение* и (или) *желание*, однако последние не попадают в модальную рамку, так как не являются «рематически акцентированными» (Гуревич 1998).

Говорящий не случайно, а намеренно использует определенным смысловым и структурным образом организованную аспектуально-таксисную последовательность, чтобы выразить свое отношение к смыслу ситуации, свою интерпретацию высказывания, следовательно, при анализе ситуаций с имплицитно представленной конативностью, помимо внутренней модальной рамки, нужно выделить еще и внешнюю модальную рамку, т.е. определить параметры интенции говорящего.

Хотя отношение говорящего и не выражено эксплицитно, тем не менее внешняя (субъективная) модальность не может быть в данном случае приравнена к нулю, поскольку коммуникативная (или целевая) рамка нарративности (повествовательности) очевидным образом осложнена смыслом «Я хочу» говорящего, о котором пишет А.Вежбицкая. При этом субъективная оценка выражается не специальными показателями типа вводных слов, модальных глаголов, а самой семантико-синтаксической конструкцией и оказывается представленной имплицитно, как бы растворяясь в смысле этой конструк-

ции. В данном случае мы имеем дело с внешней интенциональностью, связанной с грамматическими значениями и функциями, когда говорящий имеет в виду и хочет выразить актуальный для него смысл не с помощью специального модального средства, а используя «смысловую информативность» функционально-семантических категорий аспектуальности и таксиса (Бондарко 1996). Значение субъективной оценки как бы расширяется, выходит за рамки простого утверждения об истинности пропозиционного содержания и включает не только смысл «говорящий *считает*» (традиционный в ракурсе Женевской школы Ш.Балли), но, прежде всего, смысл «говорящий *хочет*», «говорящему *важно*», чтобы слушающий понял данную ситуацию таким-то образом.

В седьмом параграфе «Типы субъектов и объектов в конативных ситуациях» утверждается, что конативные ситуации необходимо рассматривать как субъектно-предикатно-объектные (СПО) комплексы: «специфическая особенность СПО-ситуаций заключается в том, что они базируются на целом комплексе семантических категорий» (ТФГ 1992). Поэтому в данном параграфе особое внимание обращено на значения субъекта и объекта конативных ситуаций.

Характерной чертой субъекта конативной ситуации является, с одной стороны, *тенденция, склонность* его к действию (Мазон 1962), а с другой стороны, то, что *субъект не знает, как достичь цели* (Труб 1993), например, *Мы с Марианной не ищем счастья; не наслаждаться мы хотим, а бороться вдвоем, рядом, поддерживая друг друга. Наша цель нам ясна; но какие пути ведут к ней – мы не знаем (И.С.Тургенев)*. Только с учетом этой важной особенности субъекта конативных ситуаций их можно в целом ряде пограничных случаев отличить от ситуаций, репрезентирующих противоположение процесса и результата (предела), но не осложненных модальностью конативности. Только имея в виду эту особенность субъекта, можно объяснить кажущиеся на первый взгляд противоречивыми по смыслу ситуации типа: *Она долго блуждала по степи, искала его и наконец нашла*, – в которых целенаправленность (*искала*) приписывается действию, включающему в свое основное, исходное значение семантический компонент, свидетельствующий об отсутствии цели; ср.: блуждать – «1. Ходить, бродить без определенной цели и направления» (Словарь современного русского литературного языка: В 20-ти тт., 1991, т.1, с. 651). В приведенном контексте *блуждать* имеет другое, целевое, значение: «бродить в поисках кого-либо» (в словаре отмечено близкое к

контекстуальному значению «бродить в поисках дороги»). На самом деле, элемент целенаправленности имеет отношение только к поискам: субъект действия четко осознает потребность найти кого-то и пытается осуществить свою цель, но поисковая деятельность в данном случае осуществляется в пространстве, а пространственное направление субъекту не известно: он не знает, где искать объект, поэтому его перемещение в пространстве и представляется хаотичным, ненаправленным, но в то же время оно не является бесцельным. На этот интересный смысловой нюанс обратила внимание Н.Д.Арутюнова: «Движение к цели отличается от движения к месту назначения тем, что цель существует в возможном мире, а пункт прибытия – в реальном» (Арутюнова 1992).

Дж.Груббор выделяет в своей классификации группу «слепых» глаголов (*verba саеса*), завершенность действия которых «зависит от скрытых объектов или от таких, которых, может быть, и вообще нет, а субъект *этого не знает* <...> действие может быть полностью закончено, а успеха нет, так как успех зависит от факторов, лежащих вне действия» (Груббор 1962). Таким образом, успех или неуспех конативного действия может быть связан не с субъектом действия, а с объектом.

Учитывая связи и отношения между компонентами СПО конативных комплексов, необходимо разграничивать: 1) отношения между субъектом и неодушевленными объектами, на которые он воздействует, 2) отношения между субъектом и одушевленными объектами (другими субъектами, партнерами), с которыми он взаимодействует. Оба эти варианта отношений подробно описываются в данном параграфе.

Следует отметить, что в конативных ситуациях чаще всего представлены отношения *воздействия* одного человека (субъекта) на другого человека (объект) с целью преобразования, а не случаи чистого и равноправного «*взаимодействия с*»: *Я испугался и стал просить Ивана Игнатьича ничего не сказывать коменданту; насилиу его уговорил; он дал мне слово (А.С.Пушкин).*

В восьмом параграфе «**Варианты таксисных отношений в конативных ситуациях видового контраста**» уделено особое внимание взаимодействию конативности и таксиса.

Конативные ситуации представлены как конструкциями с независимым таксисом, выражающим временные отношения между «равноправными» действиями, т.е. при отсутствии градации на основное

и второстепенное действие, например: *Прежде чем взяться за этот рассказ, я долго **думал** о негодяе как таковом и вот до чего **додумался**...* (В.Пьецух), так и конструкциями с зависимым таксисом, выражающим временные отношения между действиями, одно из которых является основным, а другое – второстепенным, например: *Лех покушался докончить свой рассказ... Но его не слушали, и он попеременно **перебегал глазами** от одного офицера к другому, **ища** сочувствующего взгляда... Наконец он **поймал** глазами глаза Ромашова* (А.И.Куприн).

В конативных конструкциях с независимым таксисом передаются отношения строгой (полной, сильной) разновременности, когда контуры предшествующего действия полностью отграничены от контуров последующего действия. В такого типа ситуациях степень попытки, представленная глаголом НСВ, прекращает свое существование в данном качестве по достижении результативной ступени, обозначенной глаголом СВ. В приведённом выше примере в качестве средства делимитации контуров разновременных действий используется СВ глагола *додумался*.

Конативные аспектуально-таксисные ситуации чаще всего являются локализованными во времени и представлены конструкциями с однородными сказуемыми и сочинительными соединительными союзами (обычно *и*), а также противительными союзами (*но; да* в значении *но; а*) в сочетании с частицей *так и*, выражающей следующее отношение говорящего к отсутствующему результату – безуспешность старательно, с особым усилием, длительностью, упорством выполняемого предшествующего действия и разочарование по этому поводу: *Но два года... режиссер ждал. **Ждал** ответа от итальянских продюсеров... но так и **не дождался*** («Неделя Удмуртии»).

Для выражения отношений строгой разновременности ступеней конативного действия используются и полипредикативные конструкции с временным союзом *пока не* типа: *<...> он (Руслан. – М.М.) просто растравлял себя для дела, **растил** в себе злобу, пока **не озлился** по-настоящему* (Г.Владимов).

Следует отметить, что для выражения таксисных отношений последовательности в конативных ситуациях сложноподчиненные конструкции как основа временного соположения действия-попытки и действия-результата не характерны, кроме конструкций типа 'сложноподчиненный полипредикативный комплекс с придаточным уступительным и оттенком усиления отрицательного значения главного

предложения', такие конструкции встречаются достаточно часто: *Но как я ни **напрягала воображение**, ничего другого **придумать не смогла*** (И.Долиняк).

Девятый параграф называется «**Контрастирующие частные видовые значения, способные имплицировать конативность**». В двухступенчатой конативной структуре обычно имеет место контрастное соположение глаголов СВ и НСВ, поэтому в данном параграфе решается вопрос, с каким из типов видового противопоставления связано выражение конативной модальности.

Такие исследователи, как Ю.С.Маслов (1984) и А.В.Бондарко (1971), связывают выражение конативности с процессностью. А.М.Ломов (1977) связывает модальность конативности не с процессностью, а с обобщенной фактичностью. Е.В.Падучева, не указывая собственно предполагаемого частного значения, отмечает, что у конативов типа *уговорить, поступить (в институт)* «компонент 'деятельность' – это, строго говоря, не деятельность, а попытка достичь цели» (Падучева 1996), подчеркивая тем самым, что значение процессности в данном случае не является доминантным. Кроме того, исследовательница считает, что значение безуспешной попытки может быть связанным с контекстом многократности.

Конкретные речевые употребления показывают, что конативная модальность может наслаиваться и на процессное (1), и на неограниченно-кратное (2) (примеров конативных ситуаций с ограниченной кратностью мы не обнаружили), и на обобщённо-фактическое значение (3). Например:

- 1) *Долго **думала** Дарья Сергеевна, как бы делу помочь... **Придумала**, наконец* (П.И.Мельников-Печерский);
- 2) *Много раз **пытался** я **вспомнить** еще хоть что-нибудь; но это никогда **не удавалось*** (И.Бунин);
- 3) – *Когда я чувствую Бога, я решаю сложнейшую математическую задачу, которую до этого считал нерешаемой. Но вот проходит время и я снова... бьюсь над этой задачей и считаю ее принципиально нерешаемой.*
– *Но ты ведь помнишь, что когда-то **решил** ее?*
– *Помню, но что толку! Сейчас мне кажется, что я ее неправильно **решил**.* (Ф.Искандер).

В кратной ситуации часто находит отражение момент полной – частичной результативности (успеха) попыток. Так, в ситуации (2)

отражен момент полной безрезультатности: попыток было много, но ни одна из них не увенчалась успехом.

В ряде случаев зоны процессности и кратности пересекаются, наслаиваются друг на друга, когда повторяющееся во времени действие вместе с тем мыслится как процессное, а процессность при этом осложнена еще и конативной модальностью; об этом свидетельствует пример Ю.Д.Апресяна: *Летом я по полчаса будил детей, но разбудить их не мог.*

Наиболее часто встречающиеся типы видового контраста, имплицитующие конативность, – это контраст, антонимия конкретно-процессного значения (НСВ) или неограниченно-кратного (НСВ) и конкретно-фактического (СВ). Однако в некоторых, явно не имеющих отношения к центру конативности, случаях интерпретация частного значения НСВ не является четкой и однозначной, и НСВ нерезультативное может быть истолковано как общефактическое нерезультативное, которое по своему значению семантически близко к процессному. Об этом значении, очевидно, идет речь в (Ломов 1977). О возможной контаминации общефактического нерезультативного и процессного (актуально-длительного) пишет и М.Я.Гловинская (2001).

В большинстве случаев общефактическое значение, осложненное конативным модальным оттенком, характерно для ситуаций вопросно-ответного типа, как в примере (3), приведённом выше. В утвердительных конативных предложениях типа *Я неправильно решал эту задачу* значение, вкладываемое говорящим в *решал*, неоднозначно, поскольку *решал* может обозначать как факт результативного, так и факт нерезультативного действия в прошлом, потому что, как справедливо отмечает Е.В.Падучева (1996), форма *решал* не означает однозначно *решил*, т.е. не имеет результативного значения.

В десятом параграфе «**Типы конативных ситуаций видового контраста с точки зрения выражения временных отношений**» конативные ситуации характеризуются в первую очередь как аспектально-темпоральные комплексы. Поэтому данный параграф решает следующие вопросы: 1) с каким временем может быть связано (сопряжено) выражение конативного значения; 2) в каком из своих значений выступает в конативных ситуациях то или иное время; 3) выражается ли конативность в ситуациях с видо-временным контрастом или она может быть выражена только в ситуациях с видовым контрастом и временной «согласованностью» попытки и ее результата.

Чаще всего конативный элемент выделяется в ситуациях с противопоставленными глаголами прошедшего времени, например: *Я наконец **нашел** то, что **искал**. Очаровательные, милейшие шары!* (К.Булычев). При этом глагол НСВ употребляется как в значении прошедшего в процессном его протекании, так и в значении прошедшего в его неограниченной кратности, а глаголы СВ в большинстве ситуаций употребляются в прошедшем аористическом. В таких случаях нет временного контраста – прошедшему НСВ соответствует прошедшее СВ.

Встречаются подобного типа конативные ситуации (без временного контраста) и с формой будущего времени, например: *Стыдно фронтовику шпаргалки в столе перелистывать... А провалиться нельзя. Лишат стипендии. А лишат стипендии – **будешь искать** халтуру, иначе не выжить. А **найдешь** – ее придется делать на совесть* (М.Анчаров).

Ситуации с видовым контрастом в презенсе невозможны, кроме ситуаций с глаголом *находить*. С этим глаголом возможны презенсные конативные ситуации типа «конативный процесс – конкретный факт». Например: *Вот звенья этой цепочки – Панакеев упоминает (НСВ) о бабушке... потом я напиваюсь (НСВ)... совершаю (НСВ) подмену фотографий и оказываюсь (НСВ) перед неразрешимой загадкой, а загадка заставляет (НСВ) меня проявить интерес... к ее запискам, я **ищу** (НСВ) и **нахожу** (НСВ) их* (И.Долиняк), где результативность поисков выражена не глаголом СВ (эксплицитно представляющим целостность), а глаголом НСВ (имплицитно представляющим целостность).

Довольно часто встречаются конативные ситуации с двойным контрастом: и видовым и временным. Чаще всего в ситуациях такого типа противопоставляются формы настоящего НСВ будущему СВ, например: *Пропащие те люди, которые покоя **ищут**. Ни покоя они не **найдут**, ни счастья* (С.Антонов).

В одиннадцатом параграфе «Конативность и косвенные наклонения» проанализированы случаи проявления конативности в косвенных наклонениях.

Конативное модальное значение чаще всего проявляет себя в рамках индикатива, наслаиваясь на контекстуальное временное и видовое значение, однако такое значение может быть обнаружено и в рамках императива, например: ***Ищите, и обрящете, толцыте, и отверзется** вам (Евангелие от Луки); **Жди** меня, и я вернусь, только*

*очень жди... (К.Симонов); <...> И проза-то набоковская, несмотря на гигантские тиражи его книг, тоже не проста, она как бы пока проза для немногих. Растите, граждане, **тянитесь** – и **поймёте** (Б.Носик).*

Конативное значение ощущается в такого типа ситуациях благодаря наличию сильной семы «попытка», «усилие», «стремление» в глаголах *искать*, *убеждать*, *ждать*, *тянуться* и др. В данном случае именно этот факт (наличие семантического модального элемента попытки в значении глаголов), а не вид прескрипции оказывается решающим моментом для интерпретации императивных значений граммем НСВ как конкретно-процессных и конативных. Важнейшей особенностью приведённых выше ситуаций является то, что в них имеет место не просто факт побуждения к действию, но к деятельности, активной и целенаправленной.

В сослагательном наклонении конативность может проявлять себя в рамках контрфактического суппозитива: ***Если бы мы стали искать**, где же в истории философии то учение или система, которая вскрыла бы в отвлечённой мысли содержание ареопагитского апофатизма, **то, пожалуй, мы не могли бы найти** другого более значительного имени, чем Николай Кузанский (А.Кураев).*

В пятой главе «**Типы конативных аспектуальных ситуаций в современном русском языке**» описаны конативные аспектуальные ситуации стандартного с точки зрения выражения видового контраста типа и нестандартного типа. Ситуации нестандартного типа формируются с помощью функциональных видовых партнёров, которые напрямую связаны с контекстуальной семантикой: в ситуациях такого типа контекстуальная видовая парность зачастую обусловлена такими явлениями речи, как «наведение, актуализация сем», контекстуальная синонимия.

В первом параграфе «**Предварительные замечания**» приведены теоретические размышления, касающиеся понимания спорных семантических аспектов дальнейшего анализа. В частности, отмечено, что автор придерживается в своей работе достаточно широкого понимания синонимов и относит к последним не только парасеманты (синонимы по денотату) (Степанов 1975, Васильев 1990, Комлев 1992), но и контекстуальные (ситуативно-речевые, функциональные) синонимы, а следовательно, придерживается и более широкого понимания синонимического ряда – как незамкнутой системы.

Во втором параграфе «Конативные аспектуальные ситуации стандартного и нестандартного типа» представлена подробная типология аспектуальных конативных ситуаций имплицитного типа.

Специально оговорено, что 1) под грамматическими видовыми партнерами понимаются только такие, которые соответствуют традиционному аспектологическому тесту, предложенному Ю.С.Масловым (1984), т.е. критерием истинности видовой пары является постановка двух ее членов в положение, автоматически снимающее противоположность видов в пользу одного из них; в качестве такого положения (диагностического контекста) предлагается использовать план настоящего исторического, при переводе в плоскость которого все глаголы, как СВ, так и НСВ, оказываются уравненными в формах настоящего времени; 2) видовыми парами считаются и глаголы, являющиеся семантическими (термин С.О.Карцевского: Карцевский 1962) или функциональными (термин Ф.Лемана: Lehmann 1988), контекстуальными партнерами, поскольку в речевой практике они представлены очень широко.

Исходя из этого, конативные ситуации можно классифицировать по способу выражения конативности следующим образом:

1) основу указанного семантического противопоставления составляют соотносительные видовые партнеры типа *вспоминали*, но так и *не вспомнили*; долго *убеждал* и наконец *убедил*; *убивали*, да *не убили* и подобные. Например: *Меня убивали, да не убили, вот почему я здесь (А. Толстой)*;

2) основу рассматриваемого противопоставления составляют «приблизительные корреляты» (термин Ю.С.Маслова, А. В. Бондарко), или (по терминологии Лемана) «функциональные видовые партнеры», типа *умолял*, но *не вымолил*; *ждал*, но *не дождался*; *стучал* и *достучался*; *искал* и *встретил*; *мечтал* и *добился* и многие другие. Например: *Виргинский всю ночь на коленях умолял жену о прощении, но прощения так и не вымолил...* (Ф.Достоевский).

Отличительной чертой первых ситуаций является стандартный тип (Гловинская 1982) видового противопоставления, контраст потенциального предела (действительности мыслимой, желаемой) и предела реального (действительности реальной), на фоне которого и проявляется конативность, при этом коррелятивный партнер НСВ характеризуется признаком тендентивной предельности. К этому типу относятся только целенаправленные каузативы, или «конативы» (Forsyth

1970; Падучева 1996; Плунгян 1997). Ситуации этого типа в речи достаточно легко предсказуемы.

В высказываниях второго типа, вариативность которых в речи более разнообразна и менее предсказуема, чем первых, конативное значение находит имплицитное выражение в противопоставлении имперфективного глагола его контекстуально обусловленному (а потому и «приблизительному») перфективному видовому партнеру, который в речевом словотворчестве естественным образом заполняет системно-языковую лакуну (пустующее место отсутствующего видового партнёра). Данные ситуации, в отличие от ситуаций первого типа, имеют вид нестандартного видового противопоставления.

Наибольший интерес представляет то, каким образом говорящий выходит из создавшейся языковой ситуации, в которой он не может опереться на чисто грамматическое противоположение видовых коррелятов. Проблема решается в таком случае неоднозначно:

1. Говорящий, ориентируясь преимущественно на языковую модель, стремится заполнить языковую грамматическую лакуну, подбирая к одновидовому имперфективному глаголу наиболее сходный с ним по лексическому значению однокоренной синоним противоположного вида. Тем самым проявляется тенденция к сохранению противопоставления, наиболее похожего на чисто грамматическое, т.е. с минимальным семантическим расхождением в значениях контекстуальных партнеров. Таким образом решается проблема выбора в ситуации с противопоставлением *умолял*, но *не вымолил*.

Наиболее часто в подобного типа ситуациях используются глаголы специально-результативных способов действия, например, длительно-усилительного (интенсивно-результативного) способа действия: *достучаться, дозвониться, дождаться, добудиться* и др. – и интенсивно-процессного способа действия: *вымолить, выпросить, вытребовать* и др. глаголы речевого воздействия. Например: *Весь этот день вы метались ... вы пропускаете свиданье, вырвались наконец, бросились к парку, звонили из будки – не дозвонились* (Ю. Домбровский).

2. Говорящий стремится заполнить грамматическую языковую лакуну, исходя из чисто речевых потребностей, стараясь передать тонкие смысловые нюансы ситуации. В таком случае подбирается неоднокоренной синоним СВ, являющийся «семантическим, или внутренним, дериватом» (Кацнельсон 1972) имперфективу. Например: *Чтобы стала понятна жестокость отца, я должна расска-*

затя о трагедии его жизни. Это объяснит и то, почему отец мечтал и добился, чтобы я стала художником (В. Ходасевич).

Кроме представленного фрагмента классификации, имплицитные конативные ситуации можно разделить на две большие группы с учетом двух возможных разновидностей базового значения «тенденция, попытка – успех, осуществление»: 1) собственно конативные ситуации, имеющие общий вид «попытка, стремление – успех/неуспех» типа *решали, да не решили; добивались и добились* и под.; 2) конативно-тендентивные ситуации (термин Ю.С. Маслова), имеющие общий вид «тенденция – осуществление/неосуществление» типа *тонул, да не утонул; умирал, но не умер* и под.

Собственно конативная разновидность представляет собой всегда контролируемую (полностью или частично) со стороны субъекта действия ситуацию с выделенным, актуализированным звеном «намерение достичь цели», которое и выражается в таких ситуациях как попытка, стремление, а на более глубинном уровне и как желание.

В конативно-тендентивных ситуациях, напротив, ни о какой контролируемости действия речь идти не может, поскольку это в принципе (в силу внутренней семантики самих действий) неконтролируемые ситуации. Исход таких ситуаций не зависит от воли и намерений субъекта, их осуществляющего.

Глава шестая «Группы глаголов, способных выражать конативное значение» посвящена анализу имеющихся классификаций лексико-семантических групп глаголов и отдельных глаголов, способных выражать значение попытки в русском языке.

В первом параграфе «**Лексико-семантические группы глаголов, способных выражать конативное значение (проблема классификации)**» автор обращает внимание на то, что семантический оттенок попытки ни в коей мере не является собственно видовым значением. Этот (модальный) оттенок становится ощутимым в ситуации благодаря наличию в ней целого ряда факторов: видового контраста, особых синтаксических условий, однако в значительной мере он создаётся, формируется лексическим значением глагола. Именно поэтому закономерно возникает вопрос лексико-семантической классификации глаголов, способных выражать указанное значение.

Проблема описания лексико-семантических групп глаголов, способных выражать то или иное значение (в том числе и конативное), волнует лингвистов давно.

Список глаголов, способных выражать конативное значение, впервые был представлен в известной работе Ю.С.Маслова (1984). Затем этот список пополнялся и уточнялся в работах других авторов. Наиболее подробный список глаголов представлен в работах: Гловинская 1982; Гловинская 2001. Однако проблема классификации глаголов, способных выражать конативное значение, на наш взгляд, до конца не решена и требует дополнительных размышлений. Опираясь на имеющиеся классификации, автор работы стремится выяснить в данном параграфе центральные и периферийные зоны конативной глагольной семантики и старается обнаружить специфические компоненты лексического значения, способные формировать конативную интерпретацию той или иной глагольной лексемы. Для этого необходимо обратиться в первую очередь к работе Ю.С. Маслова (1984), по сути выявившего полевою структуру конативности и обозначившего ее *центр* и *периферию*.

Глагольные пары, входящие в подгруппу (а), типа *умирать-умереть*; *убивать-убить*; *тонуть-потонуть* (и *утонуть*), *тонить-утопить* и другие подобные, далее *дожидаться-дождаться*; *встречать-встретить*; *ловить-поймать* (и *словить*) и некоторые другие (Маслов 1984) очевидным образом составляют ядро, центр поля конативности. В центр поля конативности должны попасть глаголы СВ (парные и непарные), имеющие три обязательных компонента в своем толковании:

- 1) *результативность (акцент на результате)*;
- 2) *скачкообразный, моментальный переход в новое состояние*, или, по-другому, «процесс в Объекте не синхронен деятельности Субъекта» (см. ниже точку зрения Е.В.Падучевой);
- 3) *«успешность» достижения цели*.

Необходимо отметить, что во многих классификациях исследователи опираются в основном на глаголы СВ. Однако глаголы НСВ также могут сигнализировать о наличии конативного значения. При этом важно отметить, что глаголы НСВ способны по-разному обозначать движение к пределу. Так, М.Я.Гловинская считает, что глаголы НСВ могут обозначать «либо постепенное накопление результата, либо временное приближение, либо действие с целью достичь этой точки (по достижении которой действие должно исчерпать себя и прекратиться – М.М.)» (Гловинская 1997).

Необходимо заметить, что некоторые глаголы НСВ одновременно могут обозначать и процесс (постепенное накопление результата), и

запланированное действие (действие с целью достичь...), и в то же время попытку, это отметил и Ю.С.Маслов, характеризуя глаголы подгруппы (б) и особенно (в).

Глаголы подгруппы (б) следующие: *догонять-догнать; доставать-достать; добиваться-добиться; отнимать-отнять; собираться-собраться; становиться-стать* и др. Отличие их от глаголов подгруппы (а) заключается в том, что содержание СВ данных глаголов «не сводится или не всегда сводится здесь к обозначению самого момента завершения скачка, но может включать в какой-то мере и предшествующее, подготовительное течение процесса, что видно из возможности при этих глаголах определений постепенности, ступенчатости процесса (*постепенно догнал, мало-помалу добился*)» (Маслов 1984), т.е. семантика конативности сопряжена в таком случае с семантикой процессности.

Следует констатировать, что зону, близкую к центру поля конативности, занимают глаголы СВ (парные и непарные), имеющие следующие обязательные компоненты в своем толковании:

- 1) *результативность (акцент на результате);*
- 2) *«успешность» достижения цели;*
- 3) *предшествующий результату целенаправленный процесс как необходимая подготовительная его фаза (лишь в отдельных случаях – скачкообразный, моментальный переход в новое состояние).*

Несколько дальше от ядерного значения конативности, на периферии, находится подгруппа глаголов (в), основное значение которых связано с выражением именно процесса как постепенного, фаза за фазой, достижения результата: «каждая частица действия непосредственно отлагает в объекте соответствующую частицу результата» (Маслов 1984). Ю.С.Маслов отнес к подгруппе (в) следующие глаголы: *писать-написать; пахать-вспахать; красить-покрасить* (или *выкрасить*) и *строить-построить, делать-сделать*, правда, последние с некоторой долей сомнения: в некоторых случаях (к сожалению, не совсем понятно, в каких, – нет соответствующих контекстов) Ю.С.Маслов относит их к группе (б), а в некоторых – к группе (в). Это большая группа глаголов, которая у Дж.Грубора (1962) обозначена как «пантивные глаголы», а в ТФГ обозначена как «результативно-пантивные глаголы со значением действий, направленных на достижение полного результата путем постепенного (часть

за частью) осуществления разового (длительного) или прерываемого действия» (ТФГ 1987).

Важно отметить, что если для глаголов подгруппы (а) конативное значение является основным и единственным, для глаголов подгруппы (б) ведущим, доминирующим по сравнению с процессным, а в некоторых случаях, типа *встречал, но не встретил*, и единственным, то для глаголов подгруппы (в), наоборот, оно оказывается не основным, а лишь сопутствующим и возможно только в особых контекстуальных условиях, когда имеется в виду «целостный результат, которому предшествовал трудоёмкий процесс», типа *А вот в Канаде один учёный десять лет **расшифровывал** Библию и **расшифровал**, – назидательно говорит Эдик (Т.Толстая).*

Параграфы второй «Особенности конативных ситуаций с глаголами "безуспешной попытки"», а также третий «Конативные ситуации с глаголом *искать*» и четвёртый «Конативные ситуации с глаголом *ждать*» посвящены анализу непарных глаголов *искать* и *ждать*, которые Ю.С.Маслов назвал «глаголами безуспешной попытки и безуспешного стремления».

Оба глагола, отражающие факт субъективного стремления к успеху, но объективно, по природе своей обреченные на неуспех, являются, пожалуй, одними из самых ярких и наиболее часто встречающихся представителей конативности и составляют ее ядро (имеются в виду немодальные глаголы).

Глаголы *искать* и *ждать* по своей семантической сущности являются конативными: словарная дефиниция глагола *искать* включает сему конативности – *стараться*, а словарная дефиниция *ждать* сему тендентивной конативности – *рассчитывать*. Оба глагола могут обозначать практически (объективно) бесконечную по своей длительности попытку (или попытки) на успех: *Всю жизнь она только и делала, что ждала. Порой понапрасну, а иногда все-таки везло (В.Быков); Я хожу по свету и **ищу** среди моря лжи острова правды (В.Ян).*

Искать и *ждать* – глаголы совершенно различных не только семантических групп, но и полей (*искать* относится к полю глаголов отношения и является базовым в лексико-семантической группе глаголов поиска объекта; *ждать* относится к полю глаголов состояния и обозначает в основном своем значении бытие-существование во времени, но с оттенком намерения). Однако семантически сближает их сема «безуспешной попытки», поэтому в контексте, в котором эта

сема специально подчеркивается, актуализируется, становясь доминирующей, они могут использоваться как контекстуальные синонимы, значительно обогащая при этом семантическое пространство ситуации смысловыми оттенками: *Всю жизнь Бунин ждал счастья, писал о человеческом счастье, искал путей к нему. Он нашел его в своей поэзии, прозе, в любви к жизни и к своей родине (К. Паустовский).*

Поскольку оба рассматриваемых глагола являются глаголами *imperfectiva tantum*, двухступенчатые по структуре конативные ситуации с ними могут быть только нестандартными в смысле соотношения глаголов НСВ и СВ. Функциональный перфективный партнер имеет значение, характерное для глаголов, отнесенных Ю.С. Масловым к первой группе (а): так, возможные к ним партнеры-перфективы **найти** и **дождаться** со всей очевидностью обозначают «факт скачкообразного перехода субъекта или объекта действия в новое качественное состояние, факт достижения в длительности процесса решающей «критической точки». Не случайно Ю.Д.Апресян (1995) называет глагол *найти* типичным глаголом моментального действия.

В **заключении** работы представлены выводы, которые в автореферате отражены в положениях, выносимых на защиту.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Милютина М.Г. Семантика конативности и потенциальная модальность: комплекс «попытка – результат» и его выражение в современном русском языке. – М.-Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2005. – 296 с.

2. Милютина М.Г. Конативные аспектуальные ситуации и их разновидности в современном русском языке / М.Г.Милютина // Филологические науки. – 1997. – № 3. – С.48–56.

3. Милютина М.Г. К вопросу о классификации конативных ситуаций (на материале русского языка) / М.Г.Милютина // Вестник УдГУ. Спецвыпуск: Взаимодействие культур. – Ижевск, 1996. – С.63– 65.

4. Милютина М.Г. К вопросу о классификации конативных аспектуальных ситуаций нестандартного типа в современном русском языке / М.Г. Милютина // Типология вида: проблемы, поиски, решения: материалы Международной научной конференции, 16-19 сентября 1997 г., МГУ им. М.В.Ломоносова. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – С.315–320.

5. Милютина М.Г. Особенности конативных ситуаций с глаголами «безуспешной попытки» / М.Г.Милютина // Язык. Культура. Деятельность: Восток – Запад: доклады 2-й Международной научной конференции (24-26 августа 1999 г.). – Выпуск 2: Филологические аспекты межкультурных коммуникаций. – Набережные Челны: Издательство Института управления, 1999. – С.249– 252.

6. Милютина М.Г. Специфика глаголов, потенциально способных выражать значения конативной модальности / М.Г.Милютина // Вестник УдГУ. Серия «Филологические науки». – № 9. – 1999. – С.305-308.

7. Милютина М.Г. Специфика конативных ситуаций в русском языке (природа конативной модальности) / М.Г.Милютина // Язык. Функции. Жизнь: сб. статей в честь профессора А.В.Бондарко / РГПУ им. А.И.Герцена, кафедра русского языка. – СПб., 2000. – С.90–97.

8. Милютина М.Г. Модальность попытки как специфическая разновидность потенциальной модальности / М.Г.Милютина // Владимир Даль и современная филология: материалы Международной научной конференции. 22-23 ноября 2001 года. Нижний Новгород. Т.1. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 2001. – С.324-327.

9. Милютина М.Г. Глагольный вид и потенциальная модальность / М.Г.Милютина // Современные тенденции в преподавании иностранных языков: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Набережные Челны: Изд-во НФ НГЛУ, 2003. – С.154–158.

10. Милютина М.Г. Отрицание как семантический компонент, усиливающий значение попытки / М.Г.Милютина // Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста и речи: сб. статей Всероссийской (с международным участием) научной конференции. В трёх томах. Т.2. – Соликамск, 2004. – С.105–107.

11. Милютина М.Г. Система частных значений вида и семантика потенциальной имплицитной модальности / М.Г.Милютина // Вестник УдГУ. Серия «Филологические науки». – № 5. – Выпуск 2. – 2004. – С.90–99.

12. Милютина М.Г. Типы субъектов и объектов в конативных ситуациях / М.Г.Милютина // Вестник УдГУ. Серия «Филологические науки». – № 5. – Выпуск 2. – 2005. – С.105–112.

13. Милютина М.Г. Типы конативных ситуаций видового контраста с точки зрения выражения временных отношений / М.Г.Милютина // Вестник УдГУ. Серия «Филологические науки». – № 5. – Выпуск 2. – 2005. – С.113–116.

14. Милютина М.Г. К вопросу о конативности / М.Г.Милютина // Тезисы докладов 2-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ч.1. – Ижевск. 1995. – С.61.

15. Милютина М.Г. Конативные аспектуальные ситуации и их разновидности в современном русском языке / Conative aspectual situations and their varieties in modern Russian / М.Г. Милютина // Тезисы Международной научной конференции «Типология вида: проблемы, поиски, решения». – М.: Изд-во МГУ, 1997. – С.53–54.

16. Милютина М.Г. Ситуации со значением «попытки» в русском языке / М.Г. Милютина // Тезисы докладов IV Международной конференции «Теория и практика преподавания славянских языков» (г. Печ, 24-25 апреля 1998 г.) / Ун-т им. Януса Паннониуса, кафедра славянской филологии. – Печ, 1998. – С.41.

17. Милютина М.Г. Модальный статус конативных ситуаций / М.Г. Милютина // Тезисы докладов Международной научно-методической конференции «Русский язык как средство реализации диалога культур России и стран АТР на современном этапе» (Хабаровск, 20-21 октября 1998). – Хабаровск: Изд-во Хабаровского ун-та. – С. 25– 26.

18. Милютина М.Г. Контролируемость как важнейший признак конативной ситуации / М.Г.Милютина // Тезисы докладов 4-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. – Ижевск, 1999. – С.83.

19. Милютина М.Г. Эксплицитные и имплицитные варианты базовой таксисной последовательности «тенденция, попытка – успех, осуществление» / М.Г.Милютина, Л.В.Подчерцева // Тезисы докладов 4-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. – Ижевск, 1999. – С.84.

20. Милютина М.Г. Модальность попытки как разновидность потенциальной модальности / М.Г.Милютина // Тезисы докладов 5-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ч.1. – Ижевск, 2001. – С.4–6.